жизни, желания творить, он мрачен, гнетущ, пахнет порохом, грозит топором» [33, с. 56—57]. Но из гнетущей атмосферы страха Вала находит выход, предлагает финскому народу вновь обратиться к «Калевале» и следовать духу рун. Призыв вернуться к «Калевале», к ее идеям и характерам раздавался в финской литературе не раз. Неоромантики, не находя в окружающей действительности цельности чувств, монументальности характеров, искали их в «Калевале». Что же привлекало в рунах Катри Вала? «Я рискну все же обратиться к „Калевале"... Вот где для нас великий указатель пути,— пишет поэтесса.— Давайте уважать ⟨...⟩ мудрость и труд, презирать, как мы презираем злоязычие в духе Еукахайнена, глупость и черные мысли ⟨...⟩, учиться на примере суровой истории Куллерво, чтобы не обойтись жестоко с народом нашим, не запечь камень в его хлеб. ⟨...⟩ Теперь нужен труд, а не фразы и ружейные выстрелы. Символом народа Финляндии должно стать кантеле, а не финский нож, нашей жизненной задачей должна стать не война за территории, а борьба за свет» [33, с. 58].

В сборниках «Возвращение» и «Горит дерево гнезд» Вала создает галерею отрицательных образов реального мира. За каждым таким образом чувствуется современность. Публицистика Вала 30-х годов стала сильно влиять на ее поэзию. В «Кантеле или финский нож?» Вала пишет о бедствиях своего народа: «⟨...⟩ есть люди, которые едят хлеб с сосновой корой, которые живут убого, как животные» [33, с. 57]. Строки из стихотворения «Нерожденным» («Syntymättömille») вторят этим словам:

⟨...⟩ во дворе бродит молчаливый человек,
копается в помойной яме,
светятся глаза его огромной,
безысходной тоской,—
даже ненависть в них потухла.
(Пер. К. Еголина [27, с. 160])

Влияние публицистики Вала на ее поэзию проявляется во внимании поэтессы к деталям быта. В стихах Вала появились «фабричные трубы», «витрины», «хлеб насущный» и даже «помойные ямы». Но от описания конкретных предметов поэтесса переходит к обобщенному изображению действительности, от изображения нищего, роющегося в помойной яме,— к обличению мира, где царит социальная несправедливость:

Мое дитя в стране нерожденных,
стыдно мне, что тебя я введу
в такой мир!
(«Нерожденным») [27, с. 160]

Подобно политическим статьям Катри Вала, ее стихи из сборников «Возвращение» и «Горит дерево гнезд» — это стихи-приговоры. В статьях Вала высмеивает ужас перед коммунизмом, осуждает «законы, что служат насилию и несправедливости, веру, которая превращается в суеверие» («Культурная критика» — «Kulttuurikritiikkiä») [33, s. 172].

Предмет гнева Катри Вала-поэта — те же нищета, война, людская разобщенность, те же законы, охраняющие благополучие и богатство. В стихотворении «Тантал» голодная женщина спрашивает у своего будущего ребенка:

Как же мне быть? Разбивать витрины?
Ты не знаешь: за это накажет закон ⟨...⟩
(Пер. К. Еголина [27, с. 163])

В «Возвращении» отношение поэтессы к смерти как к продолжению жизни исчезает. В поэзии Вала 30-х — начала 40-х годов смерть выступает как реальное абсолютное зло, сметающее все живое, исключающее саму возможность обновления. Смерть противопоставляется не просто жизни,